

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГОРОДА И ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Статья посвящена изучению малоизвестного и почти не встречающегося в городских исследованиях понятия «код пространства», предложенного Анри Лефевром, а также выявлению роли данного кода в процессе производства пространства. Автор анализирует понятия «пространственная практика», «репрезентации пространства» и «пространства репрезентации», которые являются ключевыми в концепции французского философа. Показывается, что пространственная практика ассоциируется с восприятием территории, репрезентации пространства – с осмыслением, а пространства репрезентации – с переживанием. При этом производство пространства, понимаемого как социальная практика, также оказывается обусловленным тремя аспектами: 1) действием материальных сил и технологий, 2) результатами накопленных знаний, достижениями науки и интеллектуальной мысли, 3) свободным творческим процессом означивания и создания смыслов. Код пространства позволяет понимать то, что произведённое пространство сообщает, то есть выйти на уровень его содержания и смысла, а значит, такой код принадлежит в первую очередь области репрезентаций пространства. Однако код пространства даёт возможность не просто осмыслять конкретное пространство, но и жить в нём, и его производить. Иначе говоря, код пространства соотносится и с переживанием (пространствами репрезентации), и с восприятием (пространственной практикой). Автор утверждает, что культурный код города можно интерпретировать как один из вариантов кода пространства, а также демонстрирует существование в современных городских исследованиях трёх подходов к интерпретации понятия «культурный код города»: культурологического, семиотического и антропологического. В статье рассматриваются основные положения указанных подходов и эксплицируются некоторые отдельные тезисы, которые плохо согласуются друг с другом. Признаётся необходимость создания интегрального метода, который сможет учесть достоинства каждого из представленных подходов и преодолеть существующие разночтения.

Ключевые слова: городские исследования, код пространства, Анри Лефевр, репрезентации пространства, пространства репрезентации, пространственная практика, семиотика города, антропология города

THE CULTURAL CODE OF THE CITY AND THE PRODUCTION OF SPACE

Elizaveta I. Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
e.speshilova@yandex.ru

The research was funded by the Russian Science Foundation,
Project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The article explores the concept “code of space” proposed by Henri Lefebvre, still little known and rarely encountered in contemporary urban studies, and reveals the role of this code in the process of space production. The author analyzes the concepts “spatial practice”, “representations of space” and “representational spaces”, which are key in Lefebvre’s theory. She shows that spatial practice is associated with the perception of territory, representations of space with comprehension, and representational spaces with experience. At the same time, the production of space, understood as social practice, is also conditioned by three aspects: (1) the action of material forces and technologies, (2) the results of accumulated knowledge, the achievements of science and intellectual thought, and (3) the free process of signification and creation of meanings. The code of space allows us to understand what the produced space communicates, that is, to reach the level of its content and meaning, which means that such a code belongs primarily to the field of representations of space. However, the code of space makes it possible not only to conceptualize a particular space, but also to live in it and to produce it. In other words, the code of space correlates with both experience (representational spaces) and perception (spatial practice). The author argues that the cultural code of the city can be interpreted as one of the variants of the code of space and also demonstrates the existence in modern urban studies of three approaches to the interpretation of the concept “cultural code of the city”: culturological, semiotic and anthropological. The author reviews the main statements of the mentioned approaches and explicates some separate theses, which are poorly coordinated with each other. The article recognizes the need to create an integral method that can take into account the advantages of each of the presented approaches and overcome the existing differences.

Keywords: urban studies, code of space (spatial code), Henri Lefebvre, representations of space, representational spaces, spatial practice, urban semiotics, anthropology of city

DOI 10.23951/2312-7899-2025-2-56-71

Введение

«Производство пространства» – понятие, предложенное Анри Лефевром в одноимённой книге [Lefebvre 1974], прочно вошло в область городских исследований и нередко используется в текстах современных научных работ [Вершинина 2018; Артеменко, Артеменко 2020; Schwarze 2023; Меркулова 2024]. Однако ещё одним значимым и часто встречающимся термином ключевой монографии Анри Лефевра является понятие «код пространства» (фр. “code de l’espace”; англ. “code of space” или “spatial code”), которое остаётся преимущественно за пределами исследовательского внимания. В связи с этим представляется важным проанализировать значение и функции кода в производстве пространства, особенно в производстве городского пространства, а также показать, что культурный код города можно интерпретировать как один из вариантов кода пространства.

Производство и код пространства в концепции Анри Лефевра

Прежде всего, следует отметить, что основные понятия «Производства пространства» Анри Лефевра – *пространственная практика, репрезентации пространства и пространства репрезентации* – представляют собой триединство, члены которого диалектически взаимодействуют друг с другом. Французский философ полагает, что пространственная практика связана с восприятием, репрезентации пространства – с осмыслением, а пространства репрезентации – с переживанием [Лефевр 2015, 54]. Таким образом формируется триалектика: воспринимаемое пространство – задуманное пространство – переживаемое пространство [Украинский, Чимитдоржиев 2022, 66–67]. Пространственная практика включает в себя производство и воспроизводство социальных отношений, в том числе между различными возрастными группами и полами, а также разными социальными классами и т. д., в конкретных отведённых для этого местах. Так, мы прекрасно понимаем, что имеется в виду, когда говорят о музее, доме или дворце творчества [Орлова 2018], университете, тюрьме [Simyan 2022], культурном или торговом центре, и какие виды социальных практик производят это пространство, которое, в свою очередь, поддерживает само существование таких практик. Действия, которые уместно совершать в торговом центре, будут значительно отличаться от социальных практик, обусловлен-

ных пространством музея. Кроме того, общественные пространства, даже имеющие одинаковое функциональное назначение, нередко существенно разнятся. Как пишет Лефевр, «каждое общество производит некое пространство, своё пространство» [Лефевр 2015, 45]. И действительно, восточные рынки [Зиливинская 2017] заметно отличаются от парижских (и не только) пассажей [Benjamin 1999], а, к примеру, просторные и открытые советские площади совершенно не похожи на малые площади в Италии [Аванесов 2023, 8] и других европейских городах. Социальные практики формируют пространство, и в то же время само пространство определяет (не) возможные и (не)допустимые социальные практики. Так, весьма интересно, как одни парки используются преимущественно для тихих и спокойных прогулок, утренних (и не только) пробежек и, в целом, размеренного отдыха, тогда как другие могут становиться территорией таких молодёжных практик, которые в российской научной традиции считаются девиантными [Сапогов 2024, 63–64], или просто опасной для пребывания зоной.

Если с пониманием того, что такое пространственная практика, всё достаточно ясно, то определение *репрезентаций пространства* и *пространств репрезентации*, а также проведение дистинкций между ними является более сложной задачей. Репрезентации пространства А. Лефевр ассоциирует со «знаниями, знаками, кодами» [Лефевр 2015, 47], то есть с концепциями пространства, которые создаются учёными, градостроителями, урбанистами, архитекторами или даже художниками, которые воплощают в пространстве определённые замыслы. Иначе говоря, репрезентации пространства – это задуманное пространство, область интеллектуального осмысления городов и территорий, сфера стратегического планирования, администрирования и позиционирования, которая относится, прежде всего, к системе вербальных знаков. Репрезентации пространства представляют собой некоторое ментальное, идеологически нагруженное поле [Soja 2000, 11], которое с течением времени может трансформироваться, однако, в целом, является чем-то объективным или, как минимум, интерсубъективным. При этом такое рефлексивное поле имеет практическое значение, оказывает реальное воздействие на существующую пространственную текстуру и видоизменяет её согласно конкретным идеям и планам.

Пространства репрезентации, в отличие от этого, являются не столько областью мысли, сколько сферой переживания пространства «через сопутствующие ему образы и символы» [Лефевр 2015, 52]. Это пространства жителей, туристов, писателей, философов

и деятелей искусства, которые описывают и интерпретируют различные города и территории, присваивают их и эмоционально оценивают. А. Лефевр относит пространства репрезентации в первую очередь к системе невербальных знаков, отражающих потаённую, имплицитную сторону жизни общества, к области так называемого воображаемого¹ [Федотова 2024, 370]. Такое воображаемое, с точки зрения Лефевра, генерирует только символические произведения – авторские, уникальные, эстетически ценные, однако не имеет явного практического значения и представляет собой плохо связанное поле разрозненных субъективных оптик интерпретации пространства. При этом оптики отношения к пространству могут быть обусловлены религиозными представлениями или экзистенциальными переживаниями, благодаря которым различные места становятся для человека *особыми* – любимыми или ужасающими [Хан 2021], вдохновляющими или тревожными, счастливыми или трагичными. В пространствах репрезентации обретает свой облик повседневная жизнь со всеми её траекториями, ежедневными маршрутами и неожиданными поворотами.

Каким образом в контексте представленной триалектики работает непосредственно производство пространства и какую роль во всём этом играет код пространства? Очевидно, что А. Лефевр опирается в своих рассуждениях на классические понятия марксистской мысли, однако он уточняет, расширяет и трансформирует рамки диалектического материализма [Лефевр 2015, 113, 136]. Производство пространства, понимаемого как социальная практика, также оказывается обусловленным тремя аспектами: 1) действием материальных сил и технологий (строительство жилых домов, заводов, общественных территорий, магистралей и т. д.), 2) результатами накопленных знаний, достижениями науки и интеллектуальной мысли в целом (теории города, в том числе идеального, концепции развития тех или иных территорий), 3) свободным творческим процессом означивания и создания смыслов (уникальные произведения о различных пространствах, личные переживания). Несмотря на то, что наиболее активное и прямое влияние на производство пространства, с точки зрения французского философа, оказывают репрезентации пространства и пространственные практики, пространства репрезентации тоже вовлечены в данный про-

¹ Примечательно, что А. Лефевр связывает с воображаемым именно область переживаемого пространства, тогда как Э. Соджа называет воображаемым то, что относится к ментальным репрезентациям пространства [Soja 2000, 11].

цесс. Невербальные символические формы репрезентации различных пространств оказывают существенное влияние на восприятие территорий жителями и туристами.

Также важно отметить, что А. Лефевр различает понимание города как произведения и города как продукта. Город как произведение является уникальным объектом, который несёт в себе печать различных творцов (архитекторов, проектировщиков и т. д.) и отражает особенности разных эпох и стилей; яркие примеры таких городов – Венеция, Санкт-Петербург, Париж, Лондон и др. По сути, город представляет собой палимпсест, сохраняющий множественность, гетерогенность и разновременность существующих пластов его культурного ландшафта [Митин 2022]. Так, в Великом Новгороде мы видим в городской ткани присутствие домонгольской храмовой архитектуры, сакрального зодчества других периодов, общественных сооружений XVIII–XIX веков, жилых зданий советского периода, а также постсоветских и современных построек. Великий Новгород, безусловно, является произведением, однако если мы обратим внимание на отдельные микрорайоны города (например, микрорайон «Ивушки»), то они предстают скорее как продукты, поскольку являются «повторяющимся результатом повторяющихся действий» [Лефевр 2015, 411]. Город как продукт – это пространство типового, повторяемого, однообразного и похожего друг на друга, предназначенное исключительно для обмена и продажи. Таковы многие современные городские жилые комплексы (особенно экономического класса), построенные по однотипным проектам и не имеющие существенной смысловой нагрузки. Главное в них – это функциональность, удовлетворение базовой потребности человека в жилье, однако такие микрорайоны не являются чем-то исключительным и особенным, не делают город *именно этим* городом, не подчёркивают его оригинальность и неповторимый характер. По мнению Лефевра, и город, и отдельные его пространства погружены в диалектический процесс различия – повторения, творчества – воспроизведения, централизации – децентрализации, уплотнения – разреживания и т. д. И как раз для того, чтобы понимать, какие процессы и какие смыслы сосредоточены в тех или иных городских (и не только) территориях, необходимо располагать кодом этих пространств.

Французский философ считает неотложной тактической задачей восстановление кода пространства, «то есть языка, общего для практики и теории, для жителей, архитекторов и учёных» [Лефевр 2015, 77]. Подобный код может объединить разрозненные

элементы пространственных практик и обосновывающих их идеологий, личное и общественное, уровень восприятия пространства, его осмысления и переживания. Прежде всего, конечно, код пространства даёт возможность понимать то, что это произведённое пространство сообщает, то есть прорваться к уровню его содержания и смыслов, а значит, такой код принадлежит в первую очередь области репрезентаций пространства. Опираясь на семиотический подход, Анри Лефевр утверждает, что пространство можно читать, расшифровывать и декодировать, однако здесь же задаётся вопросом: существует ли некий единый код у того или иного пространства? Допуская, что единый код пространства существовал ранее (в западных городах до XIX в.), он показывает существующую сейчас множественность кодов пространства [Лефевр 2015, 149, 165]. Коды пространства формируются в определённом обществе и регулируют действия тех, кто к этому обществу принадлежит, а также механизмы интерпретации той или иной территории. В каждом обществе конструируются свои коды пространства, при этом принадлежность к конкретному обществу предполагает знание и применение его кодов на практике (например, знание комфортной дистанции между незнакомыми людьми в публичных пространствах). Кроме того, необходимо отметить, что коды пространства не являются чем-то статичным и жёстко фиксированным, они историчны и диалектичны: можно говорить про исчезновение тех или иных кодировок, их целенаправленное разрушение и забвение, а также, наоборот, про создание новых кодов путём властного принуждения, общественного консенсуса или творческой активности какого-либо отдельного субъекта.

Код пространства позволяет одновременно и жить в конкретном пространстве, и его понимать, и его производить. Такой код связан со знанием, то есть с репрезентациями пространства, однако, как правило, это имплицитное, неочевидное, подразумеваемое знание. Вместе с тем код пространства соотносится и с восприятием (пространственной практикой), и с переживанием (пространствами репрезентации). Маловероятно, что городской житель сможет прямо ответить на вопрос: в чём заключается код того или иного пространства? Вероятнее всего, он просто такой вопрос не поймёт. Но, тем не менее, он будет 1) представлять, каким образом можно вести себя в этом пространстве, 2) осознавать в меру своей заинтересованности, что это пространство означает, 3) эмоционально и экзистенциально переживать опыт присутствия в этом пространстве.

Анри Лефевр акцентирует внимание на том, что категории семиологии и семантики (сообщение, чтение, код и др.) хорошо применимы в отношении интерпретации произведённых пространств, но в меньшей мере объясняют сам процесс их производства [Лефевр 2015, 164]. Несмотря на это ограничение, код оказывается задействованным в процессе производства пространства (он не столько объясняет этот процесс, сколько имплицитно в нём действует): администрация, девелоперы, архитекторы и иные участники различных проектов территориального развития руководствуются представлениями о том, что определённые пространства должны означать как в социальном, так и в культурном контексте. В зависимости от той оптики, с помощью которой мы рассматриваем конкретную территорию, можно говорить о существовании различных кодов, позволяющих данное пространство расшифровать: архитектурного, исторического, социального, мифологического [Головнева, Мартишина 2020, 36–40], культурного и т. д. В случае если мы фокусируемся именно на культурных значениях некоторого места, например, города, то уместно оперировать понятием «культурный код города», которое является более узким термином, чем «код пространства». Поскольку пространство гетерогенно [Фуко 2004] и многоаспектно, с ним могут связываться разные смыслы (как коллективные, так и индивидуальные), однако некоторые пространства могут быть лишены серьёзной семиотической нагрузки, то есть являться пустыми, нейтральными или исключительно функциональными [Оже 2017]. При этом в любом контексте именно код даёт возможность расшифровать произведённое пространство и в то же время имплицитно действует в самом процессе его производства.

Предложенное Анри Лефевром понятие «код пространства» до сих пор является малоизвестным и фактически не встречается в городских исследованиях в отличие от понятия «культурный код города», которое в последние годы приобрело особую популярность [Плавинская 2024; Копчук 2024 и др.]. Вместе с тем существует как минимум несколько подходов к интерпретации понятия «культурный код города», которые мы предлагаем далее проанализировать более детально и сравнить с тем, что имел в виду Анри Лефевр, когда писал о «коде пространства».

Культурный код города: современные варианты интерпретации

В сентябре 2024 года в рамках V Международной научной конференции «Визуальная антропология – 2024. Культурное наследие

как урбанистический драйвер», которая прошла в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, состоялся научно-исследовательский семинар «Культурный код города: концепт и методология». На семинаре было представлено два доклада, посвящённых интерпретации понятия «культурный код»: «Что такое культурный код?» С. С. Аванесова и «Структура культурного кода города» Н. Г. Федотовой. В работе семинара приняли участие не только члены проекта «Культурный код города: человек, история, идентичность», но и коллеги из Краснодара, реализующие проект «Культурный код города: визуальный аспект», – И. А. Аполлонов, А. В. Вандышева, О. А. Тучина [Тучина, Аполлонов 2024]. Дискуссия и горячая полемика, которую вызвали выступления докладчиков, показали, что подходы к пониманию термина «культурный код» существенно разнятся. Одни исследователи делают акцент на том, что данный код города является именно «культурным», и анализируют те элементы, которые так или иначе определяют культурный ландшафт конкретного пространства. Другие фокусируют внимание на том, что речь идёт именно о «коде», и призывают к терминологической точности использования данного понятия, которое в гуманитарных науках сформировалось прежде всего в контексте семиотики и лингвистики. Третьи предлагают концентрироваться не столько на культурных аспектах или семиотических нюансах, сколько на том, кто именно производит культурный код города, применяет или не применяет его в своей жизненной практике. Таким образом, можно зафиксировать существование по крайней мере трёх подходов к интерпретации культурного кода города: культурологического, семиотического и антропологического. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Культурологический подход не отрицает достижений семиотики культуры [Лотман 2000] и предполагает понимание культурного кода города как определённой системы «дешифровки и познания каждого конкретного города в индивидуальном контексте» [Федотова 2022, 10]. Однако здесь на первый план выходит выявление некоторых особенных и неповторимых культурных смыслов города, которые связывают и упорядочивают городской текст, делают его уникальным и исключительным. Иначе говоря, культурный код в этом случае ассоциируется преимущественно с теми общезначимыми культурными смыслами, которые позволяют читать город, идентифицировать его как именно *этот* город и выделять среди множества других городов. Очевидно, что разнообразные культурные смыслы, характерные для Санкт-Петербурга, существенно от-

личаются от культурных смыслов, свойственных Москве, и, более того, могут рассматриваться как оппозиционные.

Такая исследовательская оптика, кроме того, фиксирует ключевые факторы, которые задают культурный код города: 1) природно-климатические характеристики, 2) исторические события, 3) пространственные особенности, 4) художественные репрезентации и 5) известные личности, причастные к конкретному месту [Федотова 2022, 14–15]. Структурирование различных факторов даёт возможность создать методологию, которая применима в контексте прикладных исследований различных городских территорий², и в дальнейшем проводить компаративный анализ полученных данных. Культурный код относится к области символического осмысления города, к сфере смыслов, транслирует коллективно значимые представления о месте и поэтому может использоваться при брендинге города, в стратегиях его развития и позиционирования в локальном и глобальном масштабе.

Семиотический подход предполагает несколько иную интерпретацию культурного кода города: в данном случае он понимается не как знаковая система, хранящая некоторые культурные смыслы какого-то места, но как способ «“вскрытия” глубинной связи культурного феномена с тем или иным культурным смыслом» [Аванесов 2024, 10]. Здесь код представляет собой не сами культурные смыслы, но некий принцип, «пароль», правило чтения, понимания и применения знаков городского текста; другими словами, культурный код города – это порядок связи означающего с означаемым, где означающее – это объекты городской среды или некоторые артефакты городской культуры, а означаемое – тот смысл, который эти объекты и артефакты транслируют. При этом существенную роль в процессе чтения и расшифровки городской среды играет культурно-коммуникативный контекст: если реципиент городского артефакта находится вне контекста, в котором такой артефакт существует, то высока вероятность того, что смысл этого объекта не будет считан.

Поскольку город является сложной и неоднородной социокультурной системой, производящей и воспроизводящей разноо-

² Так, например, в 2024 году в 17 российских городах при участии международной дискуссионной платформы «Росконгресс Урбан Хаб» было проведено пилотное социологическое исследование «Новый взгляд на развитие территорий и городское планирование: интеграция культурного кода в городскую среду», учитывающее ряд данных факторов. URL: <https://clck.ru/3HPWXp> (дата обращения: 17.01.2025).

бразные значения, наиболее релевантным методом распознавания существующих в городском тексте смыслов можно считать семиотическую диагностику [Мелик-Гайказян 2016, 98]. При этом важно учитывать, что каждый город должен быть понят в соотношении с его жителями, которые могут быть носителями разных культурных кодов [Аванесов 2024, 11]. Однако здесь возникает вопрос: существует ли некий «верный», «правильный» культурный код города, то есть в наибольшей мере соответствующий тем смыслам, которые транслируются в городской среде? Или мы придерживаемся постмодернистской оптики, согласно которой все варианты осмысления городского текста являются равноправными и все культурные коды оказываются *уместными*? В этом случае читатель городского текста предстаёт финальной точкой сборки города как произведения, смыслы которого генерируются в процессе самого чтения, а не являются предзаданными для субъекта.

Антропологический подход акцентирует внимание именно на субъекте – читателе городского текста и носителе культурного кода. Изучая культурный код города путём анализа коллективных представлений жителей, мы выявляем то, какие факторы влияют на городскую идентичность, то есть на чувство причастности человека к конкретному городскому пространству и принадлежности к определённому городскому сообществу. Такой подход в ещё большей мере концентрируется на активной роли жителей города, которые не столько декодируют какие-то культурные смыслы городского текста, сколько производят их самостоятельно и в процессе такого производства смыслов самоопределяются [Смирнов 2021, 21], выстраивают личную траекторию жизни именно в этом месте. Для учёта и категоризации всей той палитры значений, которая присутствует в различных городах, можно использовать предложенное Г. В. Горновой и Д. В. Ворониным понятие «маркер идентичности», основной функцией которого является «фиксация смысла» [Горнова, Воронин 2024, 26]. В этом контексте культурный код города задаёт определённый образ жизни, ритм движения по городским улицам и паттерны поведения. В то время как семиотический подход сосредотачивается на смысле, антропологический подход фокусируется на практике – повседневной жизни со всей её эмоциональной нагрузкой и аффективной насыщенностью.

Заключение

Представленные подходы к интерпретации понятия «культурный код города» подчеркивают разные аспекты его функциониро-

вания в городской жизни и во многом являются взаимодополнительными. При этом следует признать, что «код пространства», предложенный Анри Лефевром, в большей мере созвучен антропологическому и семиотическому подходам к осмыслению культурного кода города. Для Лефевра не так важны культурологические аспекты изучения пространства, сколько его общественные эффекты и значения, поскольку само пространство в его концепции рассматривается как социальная практика. Однако нельзя не отметить, что в части положений вышеуказанные подходы являются противоречащими друг другу. Культурологический подход связывает культурный код города с культурными смыслами и рассматривает их как нечто существующее, интересубъективное, общезначимое для определённой группы людей, тогда как семиотический подход определяет культурный код города как правило интерпретации городского текста, позволяющее выявить тот культурный смысл, который в этом тексте транслируется, а антропологический подход максимально подчёркивает субъективный, личностный характер такой интерпретации. В связи с этим необходимо признать, что при дальнейшем исследовании данной темы важна разработка интегрального подхода, который учитывал бы преимущества каждого из представленных векторов осмысления культурного кода города и в то же время позволял бы объяснить, согласовать и в итоге преодолеть указанные разночтения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2023 – Аванесов С. С. Площадь как визуальный паттерн городской среды // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2023. Т. 3. № 1. С. 5–31.
- Аванесов 2024 – Аванесов С. С. Город как культурный проект: начала гуманитарной урбанистики. М.: Индрик, 2024.
- Артеменко, Артеменко 2020 – Артеменко А. П., Артеменко Я. И. От постмодерна к метамодерну: формирование современных визуальных практик // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 58. С. 47–58.
- Вершинина 2018 – Вершинина И. А. Анри Лефевр: от “права на город” к “урбанистической революции” // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
- Головнева, Мартишина 2020 – Головнева Е. В., Мартишина Н. И. Культурный ландшафт как объект художественного

- конструирования: Сахалин А. П. Чехова и И. Н. Краснова // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 5. № 3. С. 32–50.
- Горнова, Воронин 2024 – Горнова Г. В., Воронин Д. В. Локальная идентичность в градостроительном развитии: культурологический инструментарий категоризации смысла // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (42). С. 24–28.
- Зиливинская 2017 – Зиливинская Э. Д. Торговые постройки в городах Востока и Золотой Орды // Поволжская Археология. 2017. № 4 (22). С. 46–66.
- Копчук 2024 – Копчук Л. Б. Репрезентация культурного кода города в немецкой и австрийской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4613–4619.
- Лефевр 2015 – Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
- Лотман 2000 – Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Мелик-Гайказян 2016 – Мелик-Гайказян И. В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 92–103.
- Меркулова 2024 – Меркулова О. Преображенный рынок: механизм сохранения базара в неолиберальной Москве // Антропологический форум. 2024. № 63. С. 124–156.
- Митин 2022 – Митин И. И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.
- Оже 2017 – Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Орлова 2018 – Орлова Н. Х. Территория искусства детского рода (из летописи Аничкова Дворца творчества юных) // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 29. С. 150–156.
- Плавинская 2024 – Плавинская Л. С. Образы-символы традиционных художественных промыслов в формировании культурного кода города // Культурный код. 2024. № 1. С. 69–92.
- Сапогов 2024 – Сапогов И. А. Молодежная тусовка в городском пространстве: случай КГ (Китай-города) // Фольклор и антропология города. 2024. Т. VI. № 4. С. 62–83.
- Смирнов 2021 – Смирнов С. А. Город и человек: очерки по городской антропологии. М.: Ленанд, 2021.

- Тучина, Аполлонов 2024 – Тучина О. Р., Аполлонов И. А. Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход // Российский психологический журнал. 2024. Т. 21. № 3. С. 92–111.
- Украинский, Чимитдоржиев 2022 – Украинский В. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1 (60). С. 61–72.
- Федотова 2022 – Федотова Н. Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 10–24.
- Федотова 2024 – Федотова Н. Г. Православные образы в городском воображаемом Великого Новгорода // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 2. С. 368–381.
- Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия, Университетская книга, 2004.
- Хан 2021 – Хан Е. И. «Топофилия» и «топофобия»: к феноменологии пространственного опыта // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 55–65.
- Benjamin 1999 – Benjamin W. The Arcades Project. Transl. by H. Eiland and K. McLaughlin. Cambridge (MA) & London: Belknap Press, 1999.
- Lefebvre 1974 – Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos.
- Schwarze 2023 – Schwarze T. Space, Urban Politics, and Everyday Life. Henri Lefebvre and the U.S. City. Cham: Palgrave Macmillan.
- Simyan 2022 – Simyan T. "Guilty of Being Free": An Intellectual vs. Soviet Penal System (Prison Letters and Drawings of Sergei Parajanov) // Changing Societies & Personalities. 2022. Vol. 6. № 1. P. 197–216.
- Soja 2000 – Soja E. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Malden (MA), Oxford, Melbourne, Berlin: Blackwell Publishing, 2000.

REFERENCES

- Artemenko, A. P., & Artemenko Ya. I. (2020). From postmodernism to metamodernism: The formation of modern visual practices. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 58, 47–58. (In Russian).
- Augé, M. (2017). *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité* (A. Yu. Konnov, Trans.). Novoe literaturnoe obozrenie.

- Avanesov, S. S. (2023). Square as a visual pattern of the urban environment. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(1), 5–31. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2024). *City as a cultural project: Principia of humanitarian urban studies*. Indrik. (In Russian).
- Benjamin, W. (1999). *The Arcades Project* (H. Eiland & K. McLaughlin, Trans.). Belknap Press.
- Fedotova, N. G. (2022). Cultural code of the city. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 13(4), 10–24. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2024). Orthodox images in the urban imaginary of Veliky Novgorod. *Journal of Visual Theology*, 6(2), 368–381. (In Russian).
- Foucault, M. (2004). *L'archéologie du savoir* (M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova, Trans.). Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Golovneva, E. V., & Martishina, N. I. (2020). The Cultural landscape as an object of artistic construction: Sakhalin of Anton Chekhov and Ivan Krasnov. *Journal of Frontier Studies*, 5(3), 32–50. (In Russian).
- Gornova, G. V., & Voronin, D. V. (2024). Local identity in urban development: Cultural tools for categorizing meaning. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 1(42), 24–28. (In Russian).
- Khan, K. I. (2021). “Topophilia” and “topophobia”: Towards phenomenology of spacial experience. *Voprosy Filosofii*, 1, 55–65. (In Russian).
- Kopchuk, L. B. (2024). Representation of the cultural code of a city in German and Austrian phraseology. *Philology. Theory & Practice*, 17(12), 4613–4619. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1974). *La production de l'espace*. Anthropos.
- Lefebvre, H. (2015). *La production de l'espace* (I. Staf, Trans.). Strelka Press. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (2000). *The semiosphere*. Iskusstvo-SPb. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). Tower of Babel as the metaphor of hi-tech dynamics “semiotic attractor”. *Philosophy of Science and Technology*, 21(1), 92–103. (In Russian).
- Merkulova, O. (2024). The Preobrazhensky Market: A mechanism for preserving the bazaar in neoliberal Moscow. *Antropologicheskii Forum*, 63, 124–156. (In Russian).
- Mitin, I. I. (2022). City as palimpsest: From a metaphor within historical geography towards a semiotic model of place management. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1(49), 108–125. (In Russian).

- Orlova, N. Kh. (2018). The territory of Children's Art Genre (from the Anichkov Palace Annals). *Paradigma*, 29, 150–156. (In Russian).
- Plavinskaya, L. S. (2024). Images-symbols of traditional artistic crafts in the formation of the cultural code of the city. *Cultural Code*, 1, 69–92. (In Russian).
- Sapogov, I. A. (2024). Youth *Tusovka* in urban space: A case of KG (Kitaygorod). *Urban Folklore & Anthropology*, VI(4), 62–83. (In Russian).
- Schwarze, T. (2023). *Space, urban politics, and everyday life. Henri Lefebvre and the U.S. city*. Palgrave Macmillan.
- Simyan, T. (2022). "Guilty of being free": An intellectual vs. Soviet penal system (prison letters and drawings of Sergei Parajanov). *Changing Societies & Personalities*, 6(1), 197–216.
- Smirnov, S. A. (2021). *City and man: Essays on urban anthropology*. Lenand. (In Russian).
- Soja, E. (2000). *Postmetropolis. Critical studies of cities and regions*. Blackwell Publishing.
- Tuchina, O. R., & Apollonov, I. A. (2024). Study of value foundations of place identity: A subject approach. *Russian Psychological Journal*, 21(3), 91–111. (In Russian).
- Ukrainskiy, V. N., & Chimitdorzhiev, Zh. Zh. (2022). Henri Lefebvre and the polymorphism of social space. *Ojkumena. Regional Researches*, 1(60), 61–72. (In Russian).
- Vershinina, I. A. (2018). Anri Lefevr: from "the right to the city" to the "urbanist revolution". *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 24(2), 48–60. (In Russian).
- Zilivinskaya, E. D. (2017). Trade constructions in Oriental and Golden Horde towns. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 4(22), 46–66. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 06.02.2025